

ЦЫГАНЫ.

(ПИСАНО ВЪ 1824 ГОДУ).

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Мед.-Хирург. Академіи.

1827.

П О З В О Л Е Н О П Е Ч А Т А Т Ь .

С. Петербургъ. Декабря 10 дня, 1826 года.

*Цензоръ Надв. Сов. и Кавалеръ
Павелъ Гавскій.*

Цыганы шумною шолпой
По Бессарабіи кочуютъ .
Они сегодня видъ рѣкой
Въ шашракъ изодранныхъ ночуютъ .
Какъ вольнощъ весель ихъ ночлеги
И мирный сонъ подъ небесами .
Между колесами шелѣтъ ,
Полу-завѣщанныхъ коврами ,
Горитъ огонь ; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ ; въ числомъ полѣ
Пасутся кони ; за шапромъ
Ручной медвѣдь лежишь на волѣ .
Все живо посреди сплещей :
Заботы мирныя семей ,

Гошовыхъ съ ушромъ въ пущь недалнѣй ,
И пѣсни жень и крикъ дѣшей
И звань походной наковальни .
Но вошь на шаборъ кочевой
Низходишь сонное молчанье
И слышно въ шишинѣ шепной
Лишь лай собакъ , да коней ржанье .
Огни вездѣ погашены ,
Спокойно все , луна сияеть
Одна съ небесной вышины
И тихій шаборъ озаряеть .
Въ шатрѣ одномъ спарикъ не спить ;
Онъ передъ углями сидить ,
Согрѣшый ихъ послѣднимъ жаромъ ,
И въ поле дальное глядишь ,
Ночнымъ подернутое паромъ .
Его молоденькая дочь
Пошла гулять въ пущынномъ полѣ .
Она привыкла къ рѣзвой волѣ ,
Она придетъ ; но вошь ужъ ночь .
И скоро мѣсяць ужъ покинешъ
Небесъ далекихъ облака ;

Земфиры нѣшь какъ нѣшь , и спынешь.
Убогій ужинъ сшарика.

Но вошь она. За нею слѣдомъ
По степи юноша спѣшилъ ;
Цыгану вовсе онъ невѣдомъ.
« Ощецъ мой , дѣва говоришь ,
Веду я гощя : за курганомъ
Его въ пущыниѣ я нашла
И въ таборъ на ночь зазвала.
Онъ хочешь бышь какъ мы Цыганомъ ;
Его преслѣдуешь законъ ,
Но я ему подругой буду.
Его зовушь Алеко ; онъ
Гошовъ идиши за мною всюду. »

С Т А Р И К Ъ.

Я радъ. Ошанься до ушра
Подъ сѣнью нашего шашра
Или пробудь у насъ и долъ,
Какъ шы захочешь. Я гошовъ
Съ шобой дѣлишь и хлѣбъ и кровь.

Будь нашъ , привыкни къ нашей долѣ ,
 Бродящей бѣднотѣ и волѣ ;
 А завтра съ ушренной зарѣй
 Въ одной шельгѣ мы поѣдемъ ;
 Примись за промыселъ любой :
 Желѣзо куй , или пѣсни пой
 И села обходи съ медвѣдемъ .

А Л Е К О .

Я оспаюсь .

З Е М Ф И Р А .

Онъ будетъ мой :
 Киньжъ ошь меня его ошговишь ?
 Но поздно . . . мѣсяць молодой
 Зашель , поля покрышы мглой
 И сонъ меня невольню клонишь . . .

Свѣшло. Старикъ пихонько бродитъ
 Вокругъ безмолвнаго шашра.
 « Вставай , Земфира , солнце всходишь ,
 Проснись , мой госнь , пора , пора !
 Оставьше , дѣши , ложе нѣги . »
 И съ шумомъ высыпалъ народъ ,
 Шашры разобраны , шелѣги
 Гошovy двинушься въ походъ ;
 Все- вмѣстѣ лиронулось : и вошь
 Толпа валишь въ пусныхъ равнинахъ.
 Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
 Дѣшей играющихъ несутъ ;
 Мужья и брашья , жены , дѣвы ,
 И сшарь и младь во слѣдъ идушь ;
 Крикъ , шумъ , Цыганскіе припѣвы ,
 Медвѣдя ревъ , его цѣпей
 Неперпѣливое бряцанье ,
 Лахмошьевъ яркихъ песшропа ,

Дѣшей и спарцевъ нагоша ,
Собака и лай и завыванье ,
Волынки говоръ , скрипъ щелѣгъ ,
Все скудно , дико , все несстройно ;
Но все шакъ живо — непокойно ,
Такъ чуждо мершвыхъ нашихъ нѣгъ ,
Такъ чуждо эшой жизни праздной ,
Какъ пѣснь рабовъ однообразной.

Уныло юноша глядѣлъ
 На опустѣлую равнину
 И грусти шайную причину
 Изшолковашь себѣ не смѣлъ.
 Съ нимъ черноокая Земфира,
 Теперь онъ вольный жишель міра ,
 И солнце весело надъ нимъ
 Полуденной красою блещеть ;
 Чтожь сердце юноши пренецеть ?
 Какой заботой онъ помимъ ?

Пшичка Божія не знаетъ
 Ни заботы , ни шруда ,
 Хлопошливо не свиваетъ
 Долговѣчнаго гнѣзда,
 Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ ;
 Солнце красное взойдетъ ,
 Пшичка глаеу Бога внемлетъ ,
 Вспретенешся и поешъ .

За весной , красой природы,
Лѣтно знойное пройдешь —
И шумавъ и непогоды
Осень поздняя несешь :
Людямъ скучно , людямъ горе ;
Пшичка въ дальнія страны ,
Въ теплый край , за синее море
Улепаетъ до весны.

Подобно пшичкѣ беззаботной
И онъ , изгнанникъ перелетной
Гвѣзда надежнаго не зналъ .
И ни къ чему не привыкалъ .
Ему вездѣ была дорога ,
Вездѣ была ночлега сѣнь ;
Проснувшись поштру , свой день
Онъ отдавалъ на волю Бога ,
И жизни не могла тревога
Смутишь его сердечну лѣнь .
Его порой волшебной славы
Манила дальняя звѣзда ,
Нежданно роскошь и забавы
Къ нему являлись иногда ;

Надъ одинокой головою
И громъ не рѣдко грохошалъ;
Но онъ , безопасно подъ грозою
И въ ведро ясное дремалъ.
И жилъ , не признавая власши
Судьбы коварной и слѣпой ;
Но , Боже , какъ играли спрашпи
Его послушною душой !
Съ какимъ волненіемъ кипѣли
Въ его измученной груди !
Давноль , на долголь усмирѣли ?
Онъ преснулся : погоди.

З Е М Ф И Р А .

Скажи , мой другъ , ты не жалѣешь
О томъ , что бросилъ навсегда ?

А Л Е К О .

Чтожъ бросилъ я ?

З Е М Ф И Р А .

Ты разумѣешь :
Людей опчизны , города .

А Л Е К О .

О чемъ жалѣешь ? Когдабъ ты знала ,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ !
Тамъ люди въ кучахъ , за оградой
Не дышатъ ушренной прокладой ,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ ;

Любви спыдзяся , мысли гоняшь ,
 Торгуюшь волею своей ,
 Главы предъ идолами клоняшь
 И просяшь денегъ да цѣпей.
 Чшо бросилъ я ? Измѣнь волненье ,
 Предразсужденій приговоръ ,
 Толпы безумное гоненье
 Или блисшашельный позоръ .

З Е М Ф И Р А .

Но шамъ огромныя палашы ,
 Тамъ разноцвѣшныя ковры ,
 Тамъ игры , шумныя пиры ,
 Уборы дѣвь шамъ шакъ богашы !

А Л Е К О .

Чшо шумъ веселій городскикъ ?
 Гдѣ нѣшь любви , шамъ нѣшь веселій ;
 А дѣвы Какъ шы лучше нлѣ
 И безъ нарядовъ дорогихъ ,
 Безъ жемчуговъ , безъ ожерелій !

Не измѣнись , мой вѣжнѣй другъ !
 А я . . . одно мое желанье
 Съ шобой дѣлать любовь , досугъ
 И добровольное изгнанье .

С Т А Р И К Ъ .

Ты любишь насъ , жопь и рождень
 Среди богатаго народа ;
 Но не всегда мила свобода
 Тому , кшо къ вѣгѣ приучень .
 Межь нами естъ одно преданье :
 Царемъ когда-шо сосланъ былъ
 Полудня жишель къ намъ въ изгнанье .
 (Я прежде зналъ , но позабылъ
 Его мудреное прозванье)
 Онъ былъ уже лѣшами сшаръ ,
 Но младъ и живъ душой незлобной :
 Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ .
 И голось , шуму водъ подобной .
 И полюбили всѣ его ,
 И жилъ онъ на брегахъ Дуная ,
 Не обижая ни кого ,

Людей разсказами плѣня.
Не разумѣлъ онъ ничего ,
И слабъ и робокъ былъ какъ дѣли ;
Чужіе люди за него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣши ;
Какъ мерзла быспрая рѣка
И зимни вихри бушевали ,
Пушистой кожей покрывали
Они связаго шарика ;
Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной
Привыкнувъ никогда не могъ ;
Скишался онъ изсохшій , блѣдной ,
Онъ говорилъ , что гнѣвный Богъ
Его каралъ за пресупленье ,
Онъ ждалъ : придетъ ли избавленье.
И все несчастный посковалъ ,
Бродя по берегамъ Дуная ,
Да горьки слезы проливалъ ,
Свой дальный градъ воспоминая ,
И завѣщала онъ умирая ,
Чтобы на Югъ перенесли
Его шокующія коспи ,

И смершью — чуждой сей земли
Не успокоенные госпи.

А Л Е К О.

Такъ вошь судьба швоихъ сыновъ ,
О Римъ , о громкая держава !
Цѣвецъ любви , пѣвецъ боговъ ,
Скажи мнѣ : что такое слава ?
Могильный гуль , хвалебный гласъ ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій
Или подъ сѣнью дымной кущи
Цыгана дикаго рассказъ ?

Прошло два лѣша. Также бродяшъ
Цыганы мирною шолпой ;
Вездѣ , по прежнему , находяшъ
Госпепріимство и покой .
Презрѣвъ оковы просѣщенья
Алеко воленъ какъ они ;
Онъ безъ заботъ и сожалѣнья
Ведешъ кочующіе дни .
Все шопъ же онъ , семья все ша же ;
Онъ прежнихъ лѣшъ не помня даже ,
Къ бышью цыганскому привыкъ .
Онъ любитъ ихъ ночлеговъ сѣни
И упоенье вѣчной лѣши
И бѣдный , звучный ихъ языкъ .
Медвѣдь , бѣглець родной берлоги,
Космашый госпъ его шалпра ,
Въ селеньяхъ , вдоль степной дороги
Близъ Молдаванскаго двора

Передъ толпою осшорожной
И шяжко пляшешъ и ревешъ ,
И цѣпь докучную грызешъ.
На посокъ опершись дорожной
Сшарикъ лѣниво въ бубны бьешъ ,
Алеко съ пѣнъемъ звѣря водишь ,
Земфира поселянъ обходишь
И дань ихъ вольную берешъ ;
Нашанешъ ночь ; они всѣ шрое
Варяшь нежашое пшеко ;
Сшарикъ уснуль — и все въ покоѣ. . .
Въ шашрѣ и шико и шемно.

Спарикъ на вешнемъ солнцѣ грѣешь
 Ужь ошывающую кровь ;
 У люльки дочь поешь любовь.
 Алеко внемлешь и блѣднѣешь.

З Е М Ф И Р А .

Спарый мужъ , грозный мужъ ,
 Рѣжь меня , жги меня :
 Я шверда , не боюсь
 Ни ножа , ни огня .

Ненавижу себя ,
 Презираю себя ;
 Я другаго люблю ,
 Умираю любя .

А Л Е К О .

Молчи. Мнѣ пѣнье надоѣло,
 Я дикихъ пѣсень не люблю.

З Е М Ф И Р А .

Не любишь ? мнѣ какое дѣло !
Я пѣсно для себя пою .

Рѣжь меня , жги меня ;
Не скажу ничего ;
Спарый мужъ , грозный мужъ ,
Не узнаешь его .

Онъ свѣжѣе весны ,
Жарче лѣшняго дня ;
Какъ онъ молодъ и смѣлъ !
Какъ онъ любилъ меня !

Какъ ласкала его
Я въ ночной пишинѣ !
Какъ смѣялись тогда
Мы швоей сѣдивѣ !

А Л Е К О .

Молчи , Земфира , я доволенъ

З Е М Ф И Р А .

Такъ понялъ пѣсню пы мою ?

А Л Е К О .

Земфпра !

З Е М Ф И Р А .

Ты сердисься волець,
Я пѣсню про себя пою.

*(Уходитъ и поетъ : старый
мужъ и прог.)*

С Т А Р И К Ъ .

Такъ , помню , помню : пѣсня эша
Во время наше сложена,
Уже давно въ забаву свѣща
Поешся межъ людей она.
Кочуя на шепяхъ Кагула
Ее бывало въ зимню ночь
Моя пѣвала Мариула ,
Передъ огнемъ качая дочь.

Въ умѣ моемъ минувши лѣта
Чась отъ часу темнѣй, темнѣй;
Но заронилась пѣсня эша
Глубоко въ памяти моей.

Все тихо; ночь; луной украшенъ
 Лазурный Юга небосклонъ,
 Шарикъ Земфирой пробужденъ.
 « О мой ошецъ, Алежо спрашенъ :
 Послушай, сквозь тяжелый сонъ
 И спонешъ и рыдаешъ онъ. »

СТАРИКЪ.

Не прошь его, храни молчанье.
 Слыхаль я Руское преданье :
 Теперь полуночной порой
 У спящаго шѣснитъ дыханье
 Домашній дужъ; передъ зарѣй
 Уходитъ онъ. Сиди со мной.

ЗЕМФИРА.

Ошецъ мой! шепчешъ онъ : Земфира!

СТАРИКЪ.

Тебя онъ ищешъ и во снѣ:
 Ты для него дороже міра.

ЗЕМФИРА.

Его любовь послыла мнѣ,
 Мнѣ скучно, сердце воли просишь,
 Ужь я... но пише! слышишь? онъ
 Другое имя произносишь.

СТАРИКЪ.

Чье имя?

ЗЕМФИРА.

Слышишь? хриплый сповъ
 И скрежетъ ярый!... Какъ ужасно;
 Я разбужу его.

СТАРИКЪ.

Напрасно,
 Ночнаго духа не гони;
 Уйдешь и самъ.

ЗЕМФИРА.

Онъ повернулся;
 Привспаль; зовешь меня; проснулся.
 Иду къ нему.—Прощай, усни.

А Л Е К О.

Гдѣ шы была ?

З Е М Ф И Р А.

Съ ошцемъ сидѣла.

Какой-шо духъ шебя шомиль ,
 Во снѣ душа швоя шерпѣла
 Мученя. Ты меня спрашилъ :
 Ты сонный скрежешаль зубами
 И звалъ меня.

А Л Е К О.

Мнѣ снилась шы.

Я видѣль , будшо между нами.
 Я видѣль спрашныя мечшы.

З Е М Ф И Р А.

Не вѣрь лукавымъ сновидѣньямъ.

А Л Е К О.

Ахъ , я не вѣрю ни чему :
 Ни снамъ , ни сладкимъ увѣреньямъ ,
 Ни даже сердцу швоему.

2*

СТ А Р И К Ъ .

О чемъ , безумецъ молодой ,
 О чемъ вздыхаешь нынѣ всѣчасно ?
 Здѣсь люди вольны , небо ясно,
 И жены славяшся красой .
 Не плачь , шоска себя погубишь .

А Л Е К О .

Ощецъ ! она меня не любишь .

СТ А Р И К Ъ .

Ушѣшься , другъ ; она дичя ,
 Твое унынье безразсудно :
 Ты любишь горесливо и шрудно ,
 А сердце женское шуля .
 Взгляни : подѣ ошдаленнымъ сводомъ
 Гуляешь вольная луна ;
 На всю природу мимоходомъ
 Равно сиянье льѣшь она .

Заглянешь въ облако любое ,
 Его шакъ пышно озаришь ,
 И вошь , ужъ перешла въ другое
 И шо не долго посѣшишь .
 Кшо мѣсто въ небѣ ей укажешь ,
 Примолвя : шамъ оспановись !
 Кшо сердцу юной дѣвы скажешь :
 Люби одно , не измѣнись ?
 Улѣнься !

А Л Е К О .

Какъ она любила !
 Какъ нѣжно преклонясь ко мяѣ ,
 Она въ пусшынной пищинѣ
 Часы ночные проводила !
 Веселья дѣтскаго полнз ,
 Какъ часшо милымъ лепешаньемъ
 Иль упоительнымъ лобзаньемъ ,
 Мою задумчивость она
 Въ минушу разогнашь умѣла !
 И чшожь ? Земфира не вѣрна !
 Моя Земфира охладѣла .

СТАРИКЪ.

Послушай , расскажу тебѣ
Я повѣсть о самомъ себѣ.
Давно , давно , когда Дунаю
Неугрожалъ еще Москаль —
(Вошь видишь : я припоминаю ,
Алеко , спарую печаль .)
Тогда боялись мы Сулпана ;
А правилъ Буджакомъ Паша
Съ высокихъ башенъ Акермана —
Я молодъ былъ ; моя душа
Въ то время радостно кипѣла ,
И ни одна въ кудряхъ моихъ
Еще сѣдинка не бѣлѣла ;
Между красавицъ молодыхъ
Одна была и долго ею
Какъ солнцемъ любовался я ,
И наконецъ назвалъ моею .

Ахъ , быспро молодость моя
Звѣздой падучею мелькнула !

Но ты , пора любви , минула
 Еще быспрѣ : шолько годъ
 Меня любила Мариула .

Однажды , близъ Кагульскихъ водъ
 Мы чуждый шаборъ повспрѣчали ;
 Цыганы шѣ , свои шапры
 Разбивъ близъ нашихъ у горы ,
 Двѣ ночи вмѣстѣ ночевали .
 Они ушли на прешью ночь ,
 И , брося маленькую дочь ,
 Ушла за ними Мариула .
 Я мирно спалъ ; заря блеснула ;
 Проснулся я : подруги нѣшь !
 Ищу , зову — пропаль и слѣдъ .
 Тоскуя , плакала Земфира ,
 И я заплакалъ ! . . . съ эшихъ поръ
 Поспыли мнѣ всѣ дѣвы міра ;
 Межъ ними никогда мой взоръ
 Не выбиралъ себѣ подруги ,
 И одинокіе досуги
 Уже ни съ кѣмъ я не дѣлалъ .

А Л Е К О.

Да какъ же ны не поспѣшилъ
 Топшь часъ во слѣдъ неблагодарной
 И хищникамъ и ей, коварной
 Кинжала въ сердце не вонзилъ ?

С Т А Р И К Ъ.

Къ чему ? вольнѣе пшицы младосиъ.
 Кшо въ силахъ удержишь любовь ?
 Чредою всѣмъ даешься радосиъ ;
 Чшо было , шо не будешь вновь.

А Л Е К О.

Я не шаковъ. Нѣшь, я не споря
 Ошь правъ моихъ не ошкажусь ;
 Или кошъ мщеньемъ наслажусь.
 О нѣшь ! когдабъ надъ бездной моря
 Нашель я спящаго врага ,
 Клянусь , и шупшь моя нога
 Не пощаджла бы злодѣя ;
 Я въ волны моря , не блѣднѣя ,
 И беззащитнаго бь шолкнулъ ;

Внезапный ужас пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гуль.

МОЛОДОЙ ЦЫГАНЪ.

Еще одно , одно лобзанье !

ЗЕМФИРА.

Пора : мой мужъ ревнивъ и золь.

ЦЫГАНЪ.

Одно но долъ ! на прощанье.

ЗЕМФИРА.

Прощай , покамѣсть не пришѣлъ.

ЦЫГАНЪ.

Скажи — когда жь опять свиданье ?

ЗЕМФИРА.

Сего дня ; какъ зайдетъ луна ,

Тамъ , за курганомъ издъ могилой

ЦЫГАНЪ.

Обманешь ! не придется она.

ЗЕМФИРА.

Бѣги — вошь онъ. Приду , мой милый.

Алеко спишь. Въ его умѣ
 Видѣнье смущное играетъ ;
 Онъ съ крикомъ пробудясь во шмѣ,
 Ревниво руку просшираешь ;
 Но обрѣлая рука
 Покровы хладные хвашаешь —
 Его подруга далека.
 Онъ съ шрепешомъ привспалъ и внемлешь..
 Все тихо : спрахъ его объемлешь ,
 По немъ шекушь и жаръ и хладъ ;
 Вспаешь онъ , изъ шашра выводишь ,
 Вокругъ шелѣгъ , ужасень , бродишь ;
 Спокойно все ; поля молчашъ ;
 Темно ; луна зашла въ шуманы ,
 Чуть брежжешь звѣздъ невѣрный сеѣшь ,
 Чуть по росѣ примѣшный слѣдъ
 Ведешь за дальные курганы :
 Нешерцѣливо онъ идѣшь ,
 Куда зловѣщій слѣдъ ведѣшь.

Могила на краю дороги ,
 Вдали бѣлѣешь передъ нимъ ,

Туда слабѣющія ноги
 Влечишь , предчувствіемъ шомимъ ,
 Дрожатъ уша , дрожатъ колѣни,
 Идешь . . . и вдругъ . . . или эшо сонъ ?
 Вдругъ видишь близкія двѣ пѣни
 И близкій шопоть слышишь онъ
 Надъ обезславленной могилой.

1й Г О Л О С Ъ .

Пора —

2й Г О Л О С Ъ .

Постой !

1й Г О Л О С Ъ .

Пора , мой милый.

2й Г О Л О С Ъ .

Нѣтъ , нѣтъ ! постой , дождемся дня.

1й Г О Л О С Ъ .

Ужь поздно.

2й Г О Л О С Ъ .

Какъ ты робко любишь.

Минушу !

1й ГОЛОСЪ.

Ты меня погубишь.

2й ГОЛОСЪ.

Минушу!

1й ГОЛОСЪ.

Если безъ меня

Проснешся мужъ.

А Л Е К О.

Проснулся я.

Куда вы? не спѣшите оба;

Вамъ хорошо и здѣсь у гроба.

З Е М Ф И Р А.

Мой другъ, бѣги, бѣги!

А Л Е К О.

Поспой!

Куда, красавецъ молодой?

Лежи!

(Вонзаетъ въ него ножъ).

З Е М Ф И Р А.

Алеко!

ЦЫГАНЪ.

Умираю !

ЗЕМФИРА.

Алеко ! шы убьешь его !

Взгляни : шы весь обрызганъ кровью !

О , что шы сдѣлалъ ?

АЛЕКО.

Ничего.

Теперь дыши его любовью.

ЗЕМФИРА.

Нѣтъ , полно , не боюсь себя ,

Твои угрозы презираю ,

Твое убійство проклинаю .

АЛЕКО.

Умрижь и шы !

(Поражаетъ ее).

ЗЕМФИРА.

Умру люби .

Воспокъ , денницей озаренный ,
Сіяль. Алеко за холмомъ ,
Съ ножемъ въ рукахъ , окровавленный
Сидѣль на камнѣ гробовомъ.
Два шрупа передъ нимъ лежали ;
Убийца спрашень былъ лицомъ ;
Цыганы робко окружали
Его въспревоженной толпой ;
Могилу въ споривѣ копали ,
Шли жены скорбной чередой
И въ очи мершвыхъ цѣловали.
Спарикъ онецъ одинъ сидѣль
И на погибшую глядѣль
Въ нѣмомъ бездѣйствіи печали ;
Подняли шрупы , понесли
И въ лоно хладное земли
Чешу младую положили.
Алеко издали смошрѣль

На все. Когда же ихъ закрыли
 Последней горстию земной,
 Онъ молча, медленно склонился,
 И съ камня на праву свалился.

Тогда шарикъ, приближась, рекъ :
 « Оставь насъ , гордый человекъ !
 Мы дики , нѣтъ у насъ законовъ ,
 Мы не берзаетъ , не казимъ ,
 Не нужно крови намъ и спововъ ;
 Но жить съ убійцей не хотимъ .
 Ты не рожденъ для дикой доли ,
 Ты для себя лишь хочешь воли ;
 Ужасенъ намъ швой будешь гласъ :
 Мы робки и добры душою ,
 Ты золь и смѣль ; — оставь же насъ ,
 Просши ! да будешь миръ съ тобою . »

Сказавъ и шумною толпою
 Поднялся шаворъ кочевой

Съ долины спрашнаго ночега ,
И скоро все въ дали сшепной
Сокрылось. Лишь одна шелѣга ,
Убогимъ крышая ковромъ ,
Спояла въ полѣ роковымъ.
Такъ иногда передъ зимою ,
Туманной ушренней порою
Когда подъемлешся съ полей
Спаница позднихъ журавлей
И съ крикомъ вдалъ на югъ несется ,
Пронзенный гибельнымъ свинцомъ
Одинъ печально осшаешся ,
Повиснувъ равнымъ крыломъ.
Наспала ночь ; въ шелѣгѣ темной
Огня никшо не разложилъ ,
Никшо подъ крышею подъемной
До утра сномъ не опочилъ.

ЭПИЛОГЪ.

Волшебной силой пѣснопѣмья
Въ шуманной памяти моей
Такъ оживляюшся видѣнья
То свѣшлыхъ , то печальныхъ дней.
Въ сшранѣ , гдѣ долго , долго брани
Ужасный гуль не умолкаль ,
Гдѣ повелишельныя грани
Сшамбулу Рускій указаль ,
Гдѣ спарый нашъ Орель двуглавый
Еще шумяпть минувшей славой ,
Всшрѣчалъ я посреди сшепей
Надъ рубежами древнихъ сшановъ

Телѣги мирныя Цыгановъ ,
Смиреной вольности дѣшей.

Но щасстья нѣтъ и между вами ,
Природы бѣдные сыны !
И подѣ издранными шапрами ,
Живушѣ мучительные сны ,
И ваши сѣни кочевья
Въ пустыняхъ не спаслись ошѣ бѣдѣ ,
И всюду спрасши роковыя ,
И ошѣ судебѣ защиты нѣтъ .

